

ГЛАВА 1

«Тот, у кого нет своих детей, всегда прекрасно знает, как надо воспитывать чужих...»

Я открыла глаза и увидела двух женщин, одна из них была в голубой «пижаме», в каких ходят врачи, другая в длинном сером платье, белом фартуке и косынке с красным крестом. Стоя спиной ко мне, они продолжали тихий разговор.

— Затравила совсем мою Машку. Мол, и бега-ет моя дочь на переменах, и голос-то у нее слиш-ком громкий, — жаловалась доктор.

— Так радоваться надо, что ребенок активный, значит, здоровый, — сказала ее собеседница. — Хуже нет, если дитя букой в углу сидит.

— Ксюшенька, у тебя свои дети, поэтому ты меня понимаешь. А наша училка старая дева, зудит осенней мухой: «Первоклассник обязан молча работать во время урока, а на перемене ходить по коридору мерным шагом, заложив руки за спину». Это заявление я на родительском собрании слышала. А теперь скажи, найдется ли хоть один се-милетка, способный так себя вести?

— Похоже, педагоги мечтают учить глухоне-мых детей в инвалидных колясках, — раздражен-но подхватила Ксения, — те уж точно бегать не станут. И чтобы отцы у них были сплошь олигар-хи, которые давали бы школе несметные деньги.

8 Вечно от родителей что-нибудь требуют — то занавески купить, то оборудование для спортзала. А туалетная бумага? С каждого ребенка в месяц по рулону! Да еще по бутылке жидкого мыла. И цветы-подарки к каждому празднику. Представляешь, наш физкультурник разозлился, что ему ко Дню рыбака родительский комитет конверт с купюрами не вручил, и всему классу неуды вlepил. Кстати, вот что интересно, многие учителя двойки детям ставят, идиотами их обзывают, а как только родители кого-то из них репетитором наймут, сразу меняются: «Сю-сю-сю, Машенька такая молодец, чмок-чмок, у нее пятерочка».

Я медленно села, и кровать закрипела. Болтушки обернулись, врач обрадовалась:

— Евлампия Андреевна, наконец-то вы очнулись! Как самочувствие?

Ксения, не говоря ни слова, убежала.

Я потеряла ладонью лоб.

— Добрый день.

— Утро, — поправила врач. И уточнила: — Восемь часов. Давайте познакомимся. Я — Валерия Львовна, дежурный терапевт. А как вас зовут?

— Лампа, — привычно ответила я. И слегка удивилась вопросу: — Но вы же знаете, как меня зовут, только что произнесли мои имя и отчество.

— Ой, какая вы умница! — обрадовалась Валерия. — Теперь скажите: где вы сейчас находитесь?

— Судя по интерьеру, в больнице, — протянула я.

— Молодчина. Просто герой! — рассыпалась в похвалах Валерия Львовна. — А как сюда попали?

— Не знаю, — растерялась я.

— Не беда, — улыбнулась врач, — это не самое страшное. К нам иногда привозят людей, которые не могут сообразить, какого они пола, мужского или женского. И ничего, через месяц-другой все у них налаживается.

Дверь палаты распахнулась, внутрь ворвалась орава людей с воздушными шариками, флажками и букетами.

— Лампудель, узнаешь меня? — спросила шагавшая впереди всех Катя. В руках моя подруга держала большую спортивную сумку. Следом за Катей шел юноша с плюшевым медведем.

Я закуталась в одеяло.

— Нет! Вы кто?

Все замерли. Лицо Кати на секунду приняло озабоченное выражение, но потом его сменила широкая улыбка.

— Лампуша, не переживай, ты обязательно поправишься.

— Вот и отлично, что ты все позабыла, — обрадовалась высокая стройная девушка. — Значит, больше не будешь злиться за разбитую мной лампу.

— Лиза, убитый тобой светильник навечно останется в моей памяти, — заявила я. — Увидела его в Питере и очаровалась — основанием лампы с красивым абажуром была статуэтка кошки, сидящей в кресле и читающей книгу. Я везла ее в Москву на груди, боясь повредить, она жила у меня на тумбочке два года. А потом приехала Лизонька и... бумс, нет моей кошки.

— Ты все помнишь! — засмеялась Катюша.

Я спустила с кровати ноги и стала нашаривать тапки.

10 — Вас забудешь... Зачем пришли?

— Палату празднично украсить, — сообщил Кирыша, — чтобы тебе, Ламповецкий, весело стало.

— Только занавески менять не будем, — заметила Лиза. И все рассмеялись.

— Больная не знает, как сюда попала, — сказала врач. — Екатерина Андреевна, вы же медик, а притащили цветы и мягкую игрушку. Что бы сами-то сделали у себя в отделении с родственниками, которые принесли больному медведя и пионы?

— Плюшевого зверя вон, букет на первый этаж в ларек с книгами, — ответила подруга. — Ни инфекция, ни аллергия мне у пациентов не нужны.

— Ну вот, — кивнула Валерия Львовна. — А тут нарушаете?

— Хорошо хоть, они собак не привели, — ухмыльнулась я.

Катя открыла спортивную сумку, которую успела поставить на пол. Из ее недр, обиженно сопя, выбрались мои мопсичи Фира и Муся, одетые в нечто белое, похожее на футболки.

— Ой! Какие хорошенькие! — умилилась Валерия. — Только с животными в клинику никак нельзя.

— Это медсестры, — поправил Кирыша, — средний медперсонал широкого профиля. Видите — обе в халатах. Я полночи им спецодежду шил.

— Девочки! — позвала я.

Фира и Муся взвизгнули и бросились к кровати.

— Не дай бог заотделением появится, — занервничала Валерия, — вломит он мне за присутствие ваших медсестер. Ладно, вы тут пока пообщайтесь, а я в коридоре покараулю, и если

начальство с обходом покажется, сразу шумно. 11

Катя взглянула на меня:

— Правда ты не знаешь, как очутилась на койке, или опять нас разыгрываешь?

— На сей раз честно говорю, — вздохнула я. — Это плохо? У меня что-то с головой?

— Что последнее в памяти задержалось? — осторожно поинтересовалась Катюша. — Только не вставай!

Я снова залезла под одеяло, оперлась спиной о подушку и начала перечислять:

— Был четверг. У Макса в одиннадцать утра самолет в Австралию, у нас там клиент. Я проводила его в Шереметьево. В час дня вернулась домой, и сразу позвонил Макс, сообщил: вылет задержали, только что их повели на посадку, через тридцать минут взлет. А дальше... Что делают француженка, немка, англичанка и русская, когда муж отбывает из дома на целый месяц? Парижанка спешит к любовнику, бюргерша отправляется за покупками, англичанка рулит на экскурсию, а мы, русские, затеваем генеральную уборку, потому что мужчина в доме жуть как наведению порядка мешает.

— Главное, не давать ему вынести мешок с ненужными вещами на помойку, — подала голос из коридора Валерия Львовна, не закрывая за собой дверь в палату. — Мой Коля всегда в него нос сует — и, глядь, назад барахло прет. Все-то ему нужно, и деревяшки поломанные, и гвозди, и штаны, которые в последний раз десять лет назад натягивал, не важно, что за эти годы пузо отрастил, брючата даже на одну ногу не налезут.

12 — Макс такой же, — усмехнулась я. — По этому я решила использовать его отсутствие по полной программе. Притащила лестницу, полезла занавески снимать, их давно пора было в чистку сдать, и...

Я замолчала.

— И? — повторила Лизвета.

— Дальше какие-то обрывки, — призналась я. — Вроде ты пришла... потом свет яркий, прямо в глаза... Что это было? Ой, погодите... Доктор сказала, что сейчас восемь утра. Значит, сегодня уже не четверг, а логично предположить, что пятница.

— Отлично соображаете, — приободрила меня Валерия, — кое-кто из здоровых на это не способен.

Лиза опустилась на край кровати.

— Думаю, Лампудель, ты должна сделать кафе «Рыба из сказки» подарок.

— Никогда не слышала о таком заведении, — удивилась я. — Где оно?

— В торговом центре в пяти минутах ходьбы от твоего дома, — уточнила Лиза. — Я поехала в магазин за подарком для подруги — она собирает кукол, а там бутик с авторскими изделиями. Долго выбирала подходящую и в конце концов жутко захотела есть. Зарулила в эту сказочную харчевню, слопала палтус, направилась к метро. И тут в животе такая революция началась! Как будто у рыбки руки с кулаками отросли и она ими меня по кишкам принялась молотить. Короче, дико в туалет захотелось. И что делать? До подземки минут десять, вокруг парк, а в паре шагов твоя квартира. Знаешь, как я обрадовалась, вспомнив о тебе!

— Лампе очень приятно слышать, что ты, Лиза, испытав позыв кинуться к унитазу, подумала о ней, — заржал Кирюша. 13

— Ща получишь! — кровожадно пообещала девушка.

— Эй, вы уже слишком взрослые, чтобы драться, — предупредила я, — студенты, не первоклассники.

— Он первый начал, — заныла Елизавета.

— Нет, Лизка раньше сказала, что Лампа для нее символ поноса, — возразил Кирюша.

Я хлопнула в ладоши.

— Хватит! Хочу знать, что со мной случилось. Рассказывай дальше.

— Я побежала рысью к вам с Максом, — зачистила Лиза, — по дороге начала звонить, но никто не отвечал. Решила, что ты где-то шляешься.

— Шляешься... — задумчиво повторил Кирюша. — Мама, Лизка Лампу шляхой обозвала.

— Я? Лампушу? Шлюхой? — возмутилась Елизавета.

— Шляхой, — поправил Кирилл.

— Это кто такая? — не поняла Катя.

— Женщина, которая шляется, — объяснил парень.

— Она называется шлюха, — зашипела Лиза. — Не смей ругаться!

— Я сказал «шляха», — стоял на своем Кирилл. — И, кстати, «шлюха» не ругательство, так в девятнадцатом веке называли бездельниц. Например, у Владимира Даля в словаре написано, что шлюха — это девица, которая шлендает из угла в угол, слоняется, бродит от безделья.

14 — Значит, Лампа грязная шмотка? — насупилась Лиза.

Я решила прервать глупый спор, грозивший перейти в рукопашную.

— Ты не дозвонилась, и дальше что?

— У меня же ключи есть, — пожала плечами Елизавета. — Влетела в квартиру и сразу в туалет. Слышу, Фира с Мусей рыдают в гостиной, меня встречать не вышли. Подумала, что они опять лапами между диванными подушками попали, вытащить их не могут, поспешила мопсам на помощь. А в комнате...

Лиза схватилась ладонями за щеки и затрещала, как пулемет:

— Окна разбиты! Лампуша на полу! Кровью весь паркет залит! Мопсы при смерти! Вода из крана хлещет!

— Лизавета, остановись, — велела дочери Катюша. — Лампа, ты свалилась с лестницы, стукнулась головой о пол. Крови было две капли. Стекла целы. Фира с Мусей, как видишь, совершенно живы. Никакой воды и в помине не было.

— Лизка, как всегда, преувеличивает, — ехидно заявил Кирюша. — У нее вечно так: поцарапает палец, а говорит, что ей всю руку оторвало.

— Я спасла человеку жизнь! — пафосно объявила Лизавета.

— Лампе повезло, что ты пришла в квартиру сразу после ее падения и вызвала меня, — согласилась Катя. — Лампуша, ты права, сегодня не четверг.

— Пятница, — подсказал Кирюша.

Я заморгала.

— Ничего не помню про вечер четверга.

— Это пройдет, — улыбнулась Катя. — 15

Явившись по звонку Лизы, я договорилась, чтобы тебя срочно доставили в клинику Милова. Для меня он просто Валера. Мы с ним в одной группе в институте учились, теперь он владелец современной больницы, совмещенной с центром реабилитации. Сам, правда, сейчас в командировке в Китае, но его заместительница сразу место нашла. У тебя сотрясение мозга. Упав, ты потеряла сознание, потом очнулась, но вскоре опять отключилась.

— Ничего не помню, — испугалась я, — ни как свалилась, ни как здесь очутилась.

— Доложите обстановку, — громко произнес в коридоре мужской голос. — Больная активна? Ее фамилия Романова?

ГЛАВА 2

Катя мигом схватила Мусю и запихнула ее в сумку. Кирюша хотел взять Фиру, но та, сопя, заползла под мою подушку. В палату вошел мужчина и неодобрительно крикнул:

— Ну и ну, посетители совсем распоясались... Плюшевого уroda вон! Цветы отнесите куда хотите, оставлять их в палате нельзя! И покиньте помещение, мне надо пообщаться с больной.

— Я хирург, — сказала Катя, — лучшая подруга пациентки.

— Очень хорошо, — кивнул доктор, — просто замечательно. У нас в холле удобные кресла, там и устраивайтесь. И раз вы медик, то какого черта притащили веники с плюшевым безобразием, а?

Мои гости схватили букеты, медведя, сумку и живо смылись.

16 Врач сел на табуретку.

— Тихон Федорович, так меня зовут. Понимаете?

— Да, — кивнула я.

— Ага, есть контакт с орбитальной станцией, — обрадовался он. — Я невропатолог. Вам понятно последнее слово?

— Крайнее слово, — решив позанудничать, поправила я. — Последнее произносит преступник на суде. А еще его кто-нибудь говорит у могилы.

— Я задаю вопросы, вы отвечаете, — не обращая внимания на мое выступление, продолжал Тихон Федорович. — Как вас зовут?

— Лампа.

— Как вас зовут?

— Лампа.

— Как вас зовут?

— Хоть сто раз спросите, ответ будет один: Лампа! — вскипела я. И повторила с расстановкой: — Лам-па.

Невропатолог почесал подбородок.

— Первое: таких имен нет. Нельзя нарекать женщину Лампой, а мужчину Торшером.

— Можно, — заспорила я. — Хотя в паспорте у меня указано имя Евлампия. Я сообщила вам сокращенный вариант, который мне нравится больше.

— Второе: это еще тест на раздражительность, — снова проигнорировал мое замечание врач. — Теперь я вижу — вы заводитесь с полоборота. Дальше. Столица России?

Я покорно ответила:

— Москва. — Не удержалась и добавила: — Доктор, я просто упала, когда снимала занавески, маразмом не страдаю.

Невропатолог задал новый вопрос: 17

— А государства Тувалу?

— Есть такое? — поразила я.

— Конечно.

— Не знаю.

— Хм. Минус. Сколько будет семью восемь?

Я притихла. В те времена, когда меня звали Фросенькой¹, основной моей проблемой являлась математика. Ну не видел Господь меня Пифагором, и все тут. Пока на уроках речь шла о цифрах, я еще худо-бедно разбиралась в материале, научилась складывать-вычитать в столбик. Правда, с задачками дело обстояло намного хуже. У меня в ответах частенько фигурировали два с четвертью землекопа или половина мальчика, отдавшего яблоки одной трети девочки.

Помнится, учительница Валентина Сергеевна Подколзина тщетно пыталась воззвать к моей логике:

— Фрося, ну подумай! Как может жить половина человека? Это нонсенс.

Я согласно кивала, но про себя возражала: в задачах существуют бассейны, в которые безостановочно наливается-выливается вода. По логике вещей нужно купить пробку и заткнуть сливное отверстие, но никто этого не делал, бассейны продолжали работать в том же режиме. Та же Валентина Сергеевна каждый урок заявляет: «Вы сидите на уроке без головы». Значит, учительница признает, что ребенок, у которого нет головы, может прийти в школу. Так почему бы не существовать четверти землекопа?

¹ О детстве Евлампии рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника».

18 Но, повторяю, цифрами я еще могла оперировать, а вот когда появились буквы, наступил полный мрак. А плюс В равно С? Почему? Как можно складывать буквы? Я бы еще поняла пример типа А плюс А равно два А. Но соединить А с В — все равно что поженить ежа с черепахой. Вероятно, это и получится, но зачем? И совсем плохо у меня было с таблицей умножения — затвердить ее ученица Романова так и не смогла. Однако, повзрослев, дискомфорта я не испытываю, просто пользуюсь калькулятором.

— Семью восемь? — повторил Тихон Федорович.

— Сорок восемь, — ответила я.

— Ммм, — протянул врач. — А восемью семь?

— Девяносто семь, — обрадовалась я.

— Сколько у человека зубов?

— У кого как, — хихикнула я.

Но невропатолог не улыбнулся.

— От природы.

— Двадцать восемь. Нет, тридцать... тридцать шесть... или восемь, — засомневалась я. — В общем, много. И, как правило, все с дырками.

Тихон Федорович свел брови в одну линию.

— Постельный режим. Читать, смотреть телевизор, работать на компьютере нельзя.

Он встал и вышел в коридор. Я вскочила с кровати, приоткрыла дверь и тут же получила ею по лбу — кто-то толкнул створку назад.

— Ой! — взвизгнула я.

— Что вы делаете босиком на полу? — сурово спросила женщина в белом халате.

Отличный вопрос. Какой ответ предполагает услышать незнакомка? Что-нибудь вроде: «Я стою

на полу, потому что не умею висеть в воздухе»? 19

— Идите в кровать, — потребовала дама, — а то разовьется близорукость.

Я посмотрела на свои ступни. Помнится, моя мама, бесконечно оберегавшая доченьку от сонма болезней, любила повторять:

— Не пей холодную воду — подхватишь насморк, он перейдет в гайморит, тот в менингит, последний тебя в дурочку превратит.

Мамина логическая цепочка от холодной воды до идиотии казалась мне вполне понятной. А как близорукость связана с босыми пятками? Где здесь логика?

— Кардиолог Наталья Федоровна, — представилась врач.

— Лампа, — улыбнулась я.

Брови доктора поползли вверх.

— Евлампия, — скоренько уточнила я.

— Сядьте на кровать, обопритесь о подушки, — скомандовала Наталья Федоровна, — мне нужно вас послушать.

Я покорно выполнила ее распоряжение. Доктор приложила к моей груди фонендоскоп, и тут Фира, до сей поры спавшая под подушкой, начала громко выводить:

— Хр-хр-хр-р-р... хр-хр-хр...

На лице врача отразилась тревога. Надо сказать, Фируша у нас мастер художественного храпа, ее рулады поражают могучей окраской звука и разнообразием мелодий.

— Фр-р-кхе-кхе, ш-ш-ш, — сменила пластинку мопсика, — уф, ух, уш, р-р-р-р.

Наталья Федоровна уронила фонендоскоп.

20 Я топнула локтем подушку, под которой с комфортом устроилась собака, и улыбнулась:

— Что-то не так?

— Все чудесно, — пробормотала кардиолог. — Ну-ка, еще разочек! Дышите... не дышите...

Я набрала полную грудь воздуха.

— Х-х-х, ш-ш-ш, кха-кха-кха, и... и... и... а... а... кха-кха, — выдала Фира.

— Лежите, не шевелитесь, — испуганно велела врач и унеслась.

Я схватила телефон и отправила Кате эсмэску. Спустя пару мгновений в палату вошла подруга.

— Ну, что сказали врачи?

Я вытащила из-под подушки Фиру, которая, даже не открыв глаз, продолжала сладко спать.

— Фирундель идеально воспроизвела бронхиальный спазм, доктор умчалась в ужасе. Думаю, сейчас она вернется и притащит гору шприцев. Убери мопсиху.

Катя вынула из кармана телефон, быстро понажимала на экран и велела сыну:

— Кирюша, принеси саквояж... Ну так достань ее! Хорошо, тащи вместе с Мусей...

— Можешь назвать столицу государства Тувалу? — спросила я у подруги.

— Есть такое? — удивилась Катюша.

Я обрадовалась и встала. Значит, нас уже двое. Всегда приятно знать, что ты не самая глупая в семье.

Дверь начала открываться.

— Кирюша! Наконец-то! Сколько можно тащиться из холла в палату? — укорила парня Катя.

Створка распахнулась полностью, и я увидела незнакомого доктора в сопровождении кардиолога

Натальи Федоровны. Катя, державшая на 21
руках сопящую Фиру, быстро запихнула ее
под свой трикотажный пуловер и вмиг преврати-
лась в беременную даму, месяце этак на девятом.

— Где больная? — сурово осведомился мужчина.
Я помахала ему рукой:

— Тут.

— Можете стоять? — спросил эскулап.

Напрашивался ответ: «Вы же видите», но я
сказала:

— Совершенно спокойно.

— Почему в палате посторонние? — помрачнел
медик.

— Я хирург, — ответила Катя.

— И что у больной сломано? — уточнил док-
тор. — Рука? Нога?

— Не травматолог, — пустилась в объяснения
подруга, — я эндокринолог. И...

Но дядька не дал Катюше договорить.

— Только проблем со щитовидкой нам здесь
не хватает. Почему вы стоите?

Я поняла, что вопрос адресован мне.

— А надо сидеть?

— Лежать, — отрезал врач, — молча и тихо.
Понимаете, в каком вы состоянии?

— Ну, я пошла, — пробормотала Катя и стала
бочком двигаться к выходу из палаты, придержи-
вая рукой живот.

— Вам, наверное, трудно работать на таком
сроке, — проявила женскую солидарность кардио-
лог, — похоже, вы вот-вот родите. На мой взгляд,
прямо сегодня ночью.

— М-м-м, — пробормотала Катюша, — всякое
может случиться.

22 — Нет уж, останьтесь! — рявкнул мужчина. — Раз пришли, нечего удирать.

— Павел Семенович... — робко начала Наталья Федоровна.

— Ну? — голосом, не предвещающим ничего хорошего, протянул дядька.

— Павел Семенович, — испуганно повторила кардиолог.

— Я уже пятьдесят лет Павел Семенович. Что вы хотите?

Наталья Федоровна испуганно замолчала, я села на кровать. Доктор снял с шеи фонендоскоп и стал прикладывать его к моей груди.

— Не слышу проблем, — сказал он через пару минут.

— Хрипы, kloкoтaниe, — перечислила Наталья Федоровна.

— Ничего похожего, — отрезал врач.

— Но только что... — залепетала кардиолог, — прямо в уши било.

— Не знаю, кто вас по ушам колошматил, но эта женщина здоровее бегемота, — заявил эскулап.

И тут Фира, согревшаяся под пуловером Кати, громко пукнула. По палате пополз соответственный запах.

— Э... э... э... — забормотала моя подруга, — это совсем не то, что вы подумали... вообще не оно...

— Беременная женщина часто выпускает газы, это естественно, — изрек Павел Семенович и живо ушел из палаты.

Лицо Кати стало свекольного цвета.

— Нет! Я... не...

Фира пукнула еще раз.

— Не смущайтесь, дорогая, — приобрела Катюшу Наталья Федоровна, — мы с вами медики, не такое порой слышим-видим-нюхаем. 23

Я изо всех сил старалась сохранить серьезный вид. А Фира в самый неподходящий момент решила проснуться — пуловер на подруге заходил ходуном. Катя схватилась за живот.

— Ой, у вас роды начинаются, — занервничала кардиолог, — надо срочно перевезти вас в специализированное отделение.

— Ерунда, это просто усиленная перистальтика, — объяснила Катя и, легкомысленно убрав одну ладонь с «брюшка», начала чесать нос.

Фира с оглушительным пуканьем упала на пол и осталась лежать — наша черная мопсика не любит лишних телодвижений. Она великолепно знает, что в случае планирования с высоты нельзя нервничать, вскакивать, вертеть хвостом. Хозяева сами наклонятся и поднимут собаку, чье жизненное кредо можно определить двумя словами: «Не суетись».

— Мама! Негритенок! — заорала Наталья Федоровна и молнией метнулась в коридор.

— Интересно, где и когда она училась, — засмеялась Катя. — Базовый курс акушерства и гинекологии обязателен для всех студентов медфака независимо от дальнейшей специализации. Наталья Федоровна не знает о том, что процесс родов долгий, за одну секунду младенец не появится? Она не заметила, что «новорожденный» покрыт черной шерстью, не обратила внимания на наличие у него хвоста. Очень странная женщина. Цеховая солидарность не позволяет мне осуждать

24 коллегу, но, согласись, кардиолог... э... как бы это помягче выразиться... Ну, даже не знаю, как реагировать на ее поведение. Я впервые такую специалистку вижу. Может, она просто глупо пошутила?

ГЛАВА 3

В палату вошел Кирюша.

— Ты как раз вовремя, — обрадовалась Катя, запихивая сопящую Фиру в сумку. — Лампа, поздравь меня со счастливым разрешением от бремени. Ну, мы помчались. Надеюсь, Валера знает, какой у него странный кардиолог. Владелец этой клиники профессор Милов, мой бывший однокурсник...

— Можешь не повторять, — остановила я Катюшу, — отлично помню, что ты недавно говорила. Валерию принадлежит этот медцентр.

— Я это уже сообщила? — изумилась подруга.

— И кто из нас головой о пол треснул? — захихикала я. — Чудесно знаю Милова, он всегда на твоих днях рождения поет и пляшет.

— Действительно, — пробормотала Катя. — Все, смываемся. Приду завтра вечером. Хотя нет, не смогу. Лиза притащит еду.

— Не надо, — засопротивлялась я, — того, что сегодня принесли, хватит на неделю для роты молодых голодных десантников.

— В ВДВ старые не служат, — резонно заметил Кирюша.

— Ой, чуть не забыла! — спохватилась подруга. — С Максом связаться не удалось. У него мобильный не отвечает.

— Оно и понятно, — кивнула я. — Наш клиент занимается овцеводством, его ферма расположена в глухом районе, где ни Интернета, ни мобильной связи нет. Макс предполагает провести там около недели, потом вернется к очагам цивилизации. Вообще-то до Австралии лететь сутки, Макс еще в самолете. Очень хорошо, что ему о моем падении неизвестно, а то он бы сразу назад отправился. Я же прекрасно себя чувствую, так что не надо ко мне таскаться. Дайте отдохнуть от вас.

— Ладно, — согласилась Катя. — Буду на связи с Миловым, все новости узнаю от него. Расслабься, не волнуйся, малышка Киса и мопсы у нас. Твоя квартира поставлена на охрану...

— И не сомневалась, что ты не бросишь ни девочку, ни собак, — улыбнулась я.

— Вещи в шкафу, — договорила подруга, — я прихватила все необходимое. Ой, чуть не забыла, я же записала тебя на экскурсию!

— Куда? — удивилась я.

— У клиники интересная история, — затараторила Катя, — при ней разбит огромный парк. Чтобы больные не скучали, для них организуют походы по саду, рассказывают об архитектуре здания. Стоит прогулка недорого, рассчитана на два часа. После полудня за тобой зайдут.

Мне совсем не хотелось бродить с группой незнакомцев, слушая всякую ерунду, поэтому я соврала:

— Голова болит, слабость сильная, подташнивает.

— Да? Сейчас же позову врача. Надо перевести тебя в реанимацию, поставить капельницу! — воскликнула Катя.

26 — Ой, нет, уже все прошло, — дала я задний ход. — Слушай, разве можно человеку с сотрясением мозга много ходить?

— Ты же себя вполне прилично чувствуешь, — вздохнула Катюша. — А насчет ходить... Нынче инфарктников на вторые сутки поднимают и на прогулку отправляют. Движение — жизнь. Тот, кто долго лежит в постели, рискует своим здоровьем. Не ленись, экскурсия тебе понравится.

Поцеловав меня, Катя и Кирюша ушли.

Потом на секунду в палату со словами «До свидания, люблю тебя!» заглянула Лиза.

Наконец-то я осталась одна. Полежав минут пять, я встала, открыла гардероб, порылась в саквояже, вытащила айпад и снова залезла в кровать. Конечно, не очень приятно свалиться с лестницы, тюкнуться маковкой о паркет и заработать сотрясение мозга. Но у всякой неприятности есть бонус: я сейчас могу спокойно поиграть в бродилку.

Честно признаюсь: люблю электронные игры. Если кто-то заглянет в мой планшетник, то подумает, что гаджет принадлежит подростку, а не взрослой женщине. Я купила все выпуски птичек, крокодильчика, собрала множество квестов. Но времени предаваться любимому занятию нет, я могу выделить на игру не более пятнадцати минут перед сном, и то меня постоянно отвлекает Макс, которому именно в тот момент, когда я пытаюсь вылезти из замка вампира, приспичивает поговорить со мной на какую-нибудь животрепещущую тему. Например, выяснить, почему у него в гардеробной каждая пара носков состоит из трех штук. Будь там один, я бы поняла озабоченность мужа — одна ступня в носке, а вторая голая, это

неудобно. А три? Обе ноги в тепле, и есть носочек про запас. В чем проблема? 27

Я ткнула пальцем в экран, появилось изображение сундука. Как его открыть? Надо найти ключ! Невропатолог запретил мне работать на компьютере. Но я же не работаю, а развлекаюсь, и у меня не ноутбук, а планшетник. Ага, вот и ключ, он висит на дереве. Я обрадовалась... И тут в палату вошли две тетki, одна из них катила инвалидное кресло.

— Где ребенок? — забыв поздороваться и представиться, поинтересовалась та, что шагала впереди.

— Здесь нет детей, — пробормотала я.

— Негритенок, — уточнила более молодая, — новорожденный.

— Вы из родильного отделения? — осенило меня. — Здравсте.

— Перевозка рожениц и младенцев, — буркнула вторая. — Садитесь, мамаша.

Я отложила айпад и лихо соврала:

— Женщина и малыш ушли. У меня сотрясение мозга, я вам не нужна.

Незванные гости стали хором возмущаться:

— Во дает!

— Совсем головы нет!

— Родила и удрала!

— Ну и бабы нынче пошли!

Продолжая ругать непутевую мать, тетki, не попрощавшись, ушли.

Я хихикнула и опять уткнулась в планшетник. По экрану бегал злобный енот, с его клыков капала кровь... Следовало остановить этого вампира, я начала пулять в монстра шариками из ружья.

28 Спустя некоторое время я услышала тихие шаги, подняла голову и онемела. В комнате стоял... енот примерно моего роста. На голове у него виднелась розовая шляпка, одна лапа сжимала большую сумку, на талии был завязан клетчатый фартук.

Секунду я в оцепенении смотрела на зверя. А тот неожиданно оскалился, обнажились крепкие белые зубы... Как бы вы поступили, неожиданно-негаданно обнаружив рядом с собой ожившее чудище из компьютерной игры?

Я скатилась с матраса и забилась под кровать. Но тут же поняла, что поступила глупо: следовало вызвать медсестру, кричать, звать на помощь, а я молча спряталась в самом неподходящем месте.

В палате слышались разные звуки: шорох, топот, стук, покашливание. Край свисающего одеяла начал медленно подниматься.

— А-а-а-а! — завопила я. — Помогите!

— Эй, ты чего? — спросил знакомый голос.

Под кровать заглянул человек. Я выдохнула: это не енот, а Володя Костин, мой старинный друг, бывший полицейский, а теперь заведующий следственной частью нашей с Максом фирмы.

— Кого ты испугалась? — недоумевал он.

— Енота, — призналась я.

— Енота? — переспросил Володя. — Они живут в лесу. Извини, если разочаровал тебя, но по Москве такие зверушки не разгуливают. И уж совсем точно еноты не бегают по больницам. Вылезай.

Я выползла из-под кровати.

— Видела его, как тебя. На нем была розовая шляпка, фартук, в лапе он держал вместительный ридикюль.

— Ага, — протянул Костин, — модный 29
весь такой.

— Судя по наряду, это была девочка, — заметила я.

— Здорово! — весело воскликнул приятель. — У тебя голова не болит?

О чем думает Вовка, мне стало понятно сразу.

— Никаких психических сдвигов у меня нет!

— Конечно, — кивнул Костин.

— Я рухнула с лестницы. Стукнулась головой.

— Упала, потеряла сознание, очнулась — гипс, — пробормотал Костин. — Не волнуйся, все наладится.

— Я прекрасно себя чувствую! — разозлилась я.

— Ни секунды не сомневаюсь в этом, — слишком покладисто произнес Вовка и взял мой айпад. — Что читаешь?

— В бродилку играю, — призналась я, — «Енот-вампир» называется.

— А-а-а, — протянул Костин.

Я ощутила себя полной дурой, но не сдавалась:

— Енот сюда заходил!

— В шляпе, фартуке и с сумкой, — кивнул Вовка.

— Да!

— А ты его испугалась, залезла под кровать...

— Струсила, — призналась я. — Он такие зубищи оскалил!

Дверь открылась, в палату снова без стука бесцеремонно ввалились тетки с инвалидным креслом.

— Как тебе не стыдно! — сказала одна. — Мы проверили, наш вызов оформлен в седьмую палату.

— Где младенец? — налетела на меня вторая.

— Негритенок, — добавила первая. — Куда ты его затырила, а? В шкаф запихнула?

30 — Это кто? — ошалело спросил Костин.

Я округлила глаза.

— Вова, они уверены, что я произвела на свет чернокожего ребенка. И хотят забрать нас с ним в медцентр.

— Здешние условия не предназначены для мамочки с дитем, — уже мирным тоном пояснила первая тетка. — А вы, понятное дело, папочка?

Я не выдержала и расхохоталась.

— Нет, конечно, — ответил Костин. — Если ребенок негр, то как у него могут быть родители европейцы?

— Гримаса генетики, — нашла ответ другая тетушка. — Нам все равно, кто какого цвета и почему, наше дело мамашу с младенцем в специальное отделение доставить.

Костин посмотрел на меня:

— Это тоже больные? Они с лестницы упали?

— Сам ты со ступенек навернулся! — обиделась женщина с инвалидным креслом.

В палату вошла кардиолог.

— О, — обрадовалась я, — вот и доктор, которая, похоже, перевозку вызвала!

— Вы кто? — спросила Наталья Федоровна у женщин.

— За роженицей прибыли, а она в отказ ушла, — заявила первая медсестра.

— И негритенка своего спрятала, — возмутилась вторая.

— Здесь лежит больная с сотрясением мозга, — объяснила врач, — родила другая. Где ваша подруга, Лампа?

— Уехала, — безмятежно пояснила я, — вместе с ребенком.

— Раз покинула территорию отделения, 31
я за нее не отвечаю, — обрадовалась кардиолог.

— Женщина, вы чего нам тогда голову дурили? — налетела на меня пожилая медсестра. — Кучу времени потеряли зря!

— Я сразу сказала, что в палате нет младенца, — напомнила я.

— Неубедительно сказали, — зашипела тетушка с инвалидной коляской, — мы решили, что вы врете.

Костин вытащил удостоверение и помахал им в воздухе:

— Гражданки, полиция! Здесь проводится допрос важного свидетеля. Ступайте в коридор и там выясняйте, кто, кого, зачем, куда, почему и с какой целью позвал.

Кардиолог и обе тетушки ойкнули и исчезли.

— Хорошо, что никто из них не попросил раскрыть «корочки», — улыбнулась я, — иначе бы прочитали, что ты из частной структуры, и не отстали б от меня, пока я им младенца не отдам.

Володя махнул рукой:

— Сама знаешь, никто ксиву внимательно не изучает.

— Зачем ты приехал? — спросила я в лоб.

— Ну и вопрос! — удивился Вовка. — Тебя проведать.

— И все?

— Да, — слишком быстро ответил Костин.

— Неправда, — усмехнулась я, — говори, в чем дело.

— Тебе надо подлечиться, — занудил Вовка, — отдохнуть, подождать, пока еноты чудиться перестанут.

32 Я дернула его за рукав.

— Енот был в палате, но спорить более на эту тему я не хочу. Немедленно рассказывай, что случилось.

ГЛАВА 4

Костин поерзал на табурете.

— Вчера поздно вечером пришел клиент, зовут его Михаил Николаевич Брунов, он рассказал такую историю...

Его мать Галина Максимовна лежала как раз в этой больнице — она сломала ногу. Не шейку бедра, просто лодыжку. Неприятно, но не смертельно. Вполне разумная женщина шестидесяти пяти лет, без особых проблем со здоровьем, Галина Максимовна посещала спортзал, занималась йогой, практиковала правильное питание. Она никогда не была религиозной. В доме у Бруновых нет ни одной иконы, Библии и других божественных книг тоже нет, в церковь ни мать, ни сын не заглядывали. И вдруг!

Приходит Михаил утром к мамаше с кефиром, а та ему говорит:

— Сынок, приведи ко мне батюшку.

Брунов сначала не понял, о чем речь, решил, что мать о его отце вспомнила, и очень удивился:

— Так он двадцать лет назад к другой бабе ушел, ты даже имени его слышать до сих пор не желала.

А Галина Максимовна в ответ:

— За каким чертом мне этот идиот? Хочу видеть священника.

Михаил и вовсе изумился:

— Ты же неверующая.

33

Мать разозлилась:

— Приведи батюшку из церкви при клинике, я креститься хочу.

Сын подумал, что у нее от лекарств поехала крыша, поэтому спорить не стал.

Местный священник пришел к пациентке и поговорил с ней. Через десять дней Галина Максимовна умерла. Причем до этого ее состояние у медиков никаких опасений не вызывало. У нее оторвался тромб...

— Печально, — вздохнула я, — однако такое случается.

— Слушай дальше, — попросил Володя.

Брунов похоронил мать без отпевания. Ему, атеисту, не воцерковленному человеку, не пришлось в голову провести обряд. Спустя дней десять после ухода матери Михаил вечером, сидя у телевизора, переключал каналы и случайно наткнулся на интервью с каким-то священником. Тот подробно рассказывал, как надо поминать умерших, объяснял, почему это необходимо делать. Спокойная рассудительная речь пожилого священника произвела впечатление, и Брунов подумал: «А вдруг на небе кто-то есть?» На следующий день он пошел в ближайшую церковь поинтересоваться, можно ли отпеть мать после похорон.

В храме тогда находилась только старушка с венком, она в ответ на его вопрос спросила:

— Матушка-то крещеная была?

Сын растерялся.

— В больницу к ней приходил священник, мама вроде собиралась надеть крестик, но я точно не знаю.

34 — Вы сначала у того батюшки спросите, было ли крещение, — посоветовала бабка, — а потом возвращайтесь к нам.

Михаил Николаевич отправился в клинику и нашел настоятеля тамошней церквушки.

— Помню вашу матушку, — сказал тот, — но я не проводил обряд крещения, поскольку она об этом не просила.

— Неужели? — удивился сын. — Мне мама так и сказала: «Приведи батюшку из больничной церкви, я креститься хочу».

— Возможно, вы не совсем правильно поняли ее слова, — вздохнул священник, — мы с вашей матушкой просто поговорили. Поскольку это не исповедь была, могу вам содержание беседы передать. Галина Максимовна рассказала, что ночью к ней в палату вошла ее бабушка Евдокия.

— Кто? — поразился Михаил. — Вся мамина родня давно на кладбище: ее мать с отцом — Анна и Максим, а также бабка, которую звали Елизаветой. Ни о какой Евдокии я никогда не слышал.

Собеседник, облаченный в рясу, сложил руки на животе и продолжил:

— Галина Максимовна спала, но вдруг проснулась от шепота: «Галочка, внученька...» Открыв глаза, ваша матушка бросила взгляд на будильник на тумбочке — у него цифры и стрелки в темноте хорошо видны, — времени было два ночи. А затем рядом с кроватью она увидела женщину, одетую как монахиня, на груди у нее висел крест.

Галина Максимовна испугалась, хотела позвать медсестру, но монашка ей ласково сказала: «Не бойся, дурного тебе не сделаю. Я твоя прапрабабушка, жила в шестнадцатом веке при

монастыре. Обитель находилась в лесу, на 35
нас напали татаро-монголы, всех убили.

Мне было всего шестнадцать лет, я была невинной девушкой, и за мученическую смерть Господь разрешил мне стать ангелом-хранителем своих потомков. Внученька, ты должна покреститься, потому что за тобой на следующей неделе смерть придет. Иначе ты попадешь в ад, а там! Смотри...»

Володя взял со столика бутылку воды, открыл ее и начал пить.

— Странная, однако, история, — пробормотала я. — Пожилая женщина, которую в клинике накачали обезболивающими, увидела сон. Ведь понятно же, что никакая «прапра... бабушка» к ней в палату на самом деле не приходила, это невозможно. И «монахиня» несла чушь. Татаро-монголы убили тех, кто жил в обители? Ерунда!

— Почему? — неожиданно заспорил Володя. — Это как раз возможно. Нравы в шестнадцатом веке были суровые, завоеватели не жалели тех, кого поработили.

Я улыбнулась.

— А в пятнадцатом веке, в тысяча четыреста восьмидесятом году, случилось так называемое стояние на реке Угре, битва между царем Иваном Третьим и ханом Орды Ахматом. Историки считают, что с победой русского государя татаро-монгольское иго закончилось.

— Ну ты даешь! — восхитился Костин. — Я тоже учил в школе всякие даты, но давно их позабыл.

— Я была маменькиной дочкой, — вздохнула я. — Меня не выпускали гулять во двор с другими детьми, я ходила везде за ручку с родителями.

36 Если на улице дул ветер, шел дождь или снег, я сидела дома — мамуля очень боялась, что ребенок заболеет. Компьютеров в то время не было, по телику шли какие-то нудные программы, по радио пели бодрые песни и рассказывали о посевах-жатве и надоях. Что мне оставалось делать? Только читать. Вот я и ползала по книжным полкам, отец собрал великолепную библиотеку. Но не о моем детстве речь. «Монашка» напутала: либо обитель разрушили не татаро-монголы, либо разгром случился не в шестнадцатом веке. И меня смущает сообщение о невинности Евдокии.

— В прежние века вступать в добрачную связь считалось постыдным делом, таких грешниц камнями забивали, — авторитетно заявил Костин.

— Может, и так, — согласилась я, — но если у Евдокии не было мужчины, значит, и детей быть не могло. И как тогда Галина Максимовна могла стать ее внучкой?

Вовка открыл рот.

— Я идиот! Почему не заметил элементарной нестыковки?

— Не стоит себя ругать. Почему сразу идиот? Просто дурачок, — хихикнула я. — Однако забавный сон привиделся матери Брунова.

Костин встал и бросил пустую бутылку из-под воды в мусорную корзину.

— Михаил историю плохо знает, а про то, что у невинной монашки детей не было, как и я, не подумал. Он тоже решил: матери приснился кошмар, а священник продолжал рассказ. Евдокия пообещала Бруновой скорую смерть, сказала, что некрещеная женщина попадет прямиком в ад, где

будет терпеть бесконечные муки, и показала ей картину преисподней. У «монашки» была с собой икона, которая засветилась, и больная, увидев, что творится в аду, испытала сильный испуг. Прапра... бабушка ее успокоила: «Можно избежать ужаса. Для этого надо покреститься в церкви Святого гонимого Валерия и отписать ему все свое имущество». Наутро Брунова отправила сына к бабушке из больничной церкви. Когда тот пришел, Галина Максимовна попросила его дать ей адрес той самой церкви. Священник ответил, что такого прихода в Москве нет, посоветовал почитать Закон Божий, другие книги и ушел.

— Галина Максимовна вовсе не намеревалась пройти обряд крещения, а пыталась отыскать каких-то сектантов, — сказала я. — Сын неправильно понял мать, когда та заговорила о своем желании.

— Ну да, — согласился Костин.

— Отлично! — воскликнула я. — Похоже, вовсе не сон Галине Максимовне привиделся.

— Точно, — кивнул Володя, — кто-то на самом деле входил в ее палату. Но Брунов, поговорив с матерью, уехал домой и решил, что та слегка тронулась умом. Вскоре она скончалась, сын, погоревав после похорон, жил дальше. Через полгода, когда следовало вступить в права наследства и оформить материнскую квартиру на себя, Михаил отдал нужные бумаги адвокату, и... через несколько дней ему кирпичом на голову упало невероятное известие. Оказалось, что просторные четырехкомнатные хоромы, дача Галины Максимовны и все остальное имущество было ею пода-

38 рено некоему Самсонову Леониду Петровичу, гражданину России, проживающему в Нью-Йорке. Михаил Николаевич устроил разбирательство и выяснил, что мать составила дарственную. Брунову показали ее копию, и у него не возникло сомнений: документ был подписан самой Галиной Максимовной, там же имелись данные ее паспорта. Дарственную составили за день до ее смерти.

— Ну и ну, — протянула я.

— Дальше — больше, — продолжал Костин. — Брунов-то не сомневался, что апартаменты будут его, и ждал, пока истекет шесть месяцев.

— Странно, что он не забеспокоился раньше, — перебив друга, удивилась я.

Вовка подошел к холодильнику.

— А чего ему было дергаться? Братьев-сестер у него нет, он единственный ребенок у матери. Галина Максимовна тоже была одна дочь у родителей, тетей-дядей и прочей родни у Михаила нет. Смысл нервничать? Миша с супругой и дочкой жили в небольшой двушке, а мать наслаждалась жизнью в четырехкомнатной квартире. Она неоднократно говорила сыну и невестке: «Купила вам на свадьбу отдельное жилье, потратила все накопления, больше ничего не просите. Когда лягу в могилу, сыну мои апартаменты достанутся, все его будет, а пока вам и в своей норке хорошо». Михаил был настолько уверен в получении наследства, что начал копить деньги на ремонт четырехкомнатных апартаментов.

— Интересная история, — протянула я.

— Погоди, это еще не все, — остановил меня Костин. — Выяснилось, что Леонид Самсонов

переадресовал подарок Бруновой другому человеку, Злотниковой Елене, та тоже русская американка. А уж у нее квартиру приобрела фирма «Медветлабпет», которая принадлежит богатому бизнесмену Павлу Петухову. К нему претензий никаких нет, он честно недвижимость купил. Собирался селить там партнеров из провинции, которые регулярно наезжают в Москву. Гостиницу им снимать ему показалось накладно. Так многие фирмы поступают — покупают жилье для временного проживания командированных. Ну, твое мнение обо всем услышанном?

ГЛАВА 5

Я села и подсунула под спину подушку.

— Полагаю, мы с тобой совпадем в оценке произошедшего. Американец Самсонов связан с мошенниками, Злотникова Елена тоже одна из них. Павел Петухов, вероятно, замешан в этой истории случайно. В больнице есть человек, который работает на аферистов. «Монахиня» не могла попасть ночью в палату без помощи кого-то из сотрудников. Ведь Брунова как-то связалась с мошенниками. Да-да, в медцентре точно работает темная личность. Между прочим, акт дарения подписывают в присутствии нотариуса, наверное, он тоже из этой шайки.

— Как раз тут все чисто, — перебил меня Вовка, — я в пять минут выяснил, что за юрист выезжал в клинику. Это была Екатерина Михайловна Авина, которая рассказала, что вызов оформил и оплатил Михаил Николаевич Брунов, сын Галины Максимовны. Нотариус описала клиента — приятный